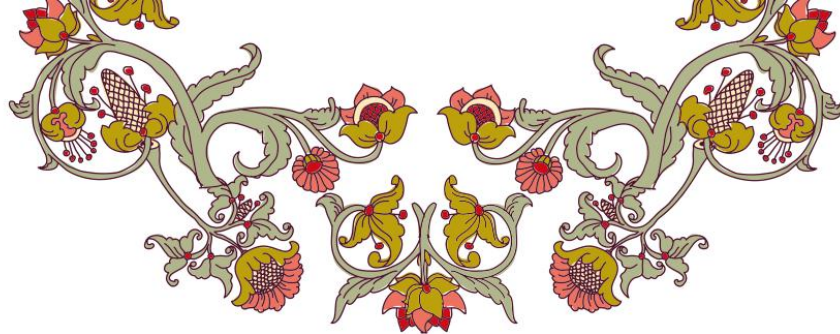

Глава 1

ВЕДЬМЫ, КОЛДУНЫ И ЗНАХАРЫ

Ведьмы тогда и сейчас

Между нашей цивилизацией и миром традиционной деревни есть радикальное различие в отношении к магии. Горожане, живущие в атмосфере материализма и позитивизма, по магии скучают. Они называют прекрасную вещь «волшебной» и верят в чудо, а те из них, кто настроен мистически, интересуются историями о встречах с волшебными существами, пытаются призвать духов с помощью ритуалов и сами хотят обладать сверхъестественными способностями; если же они убеждены, что обладают таковыми, то смело рассказывают об этом. Говоря кратко, в городе магии нет (ну или почти нет) — и горожанам очень хочется, чтобы она была.

В традиционной деревне все строго наоборот.

В бушующем море эмоций, в котором живет крестьянин, каждое чувство персонифицируется как некая магическая сила или существо. Магией пронизано абсолютно все. Эти магические проявления хаотичны и непостижимы (например, град побивает посевы, несмотря на все обряды), поэтому крестьянин прежде всего стремится максимально отгородить себя от сверхъестественных сил, а поскольку это для него невозможно, то хотя бы свести контакт с ними к минимуму и предельно его упорядочить.

Там, где горожанин призывает духов, крестьянин ставит обереги от них. Там, где горожанин мечтает обрести мистические силы, крестьянин сам творит магию (далее нас ждут три главы об этом), но не считает ею свои обыденные ритуальные действия. Крестьянин чрезвычайно боится тех, чья магия превосходит его собственную. И это подводит нас

к главному отличию цивилизации от традиции: горожанка с гордостью сообщает, что она практикующая ведьма, заводит соответствующий аккаунт в соцсетях и не прячет его от посторонних; в деревне же слово «ведьма» — это самое страшное ругательство, причем оно означает не только и не столько занятие магией, сколько любые недостатки характера.

В отношении к ведьмам и колдунам воплощался весь ужас перед иррациональностью бедствий, преследовавших крестьян.

Тоскующий по волшебству город сочинил идиллический миф о том, что ведьмы — это хранительницы языческой мудрости, что в древности их уважали и почитали, а в мрачное Средневековье инквизиция сжигала их на кострах.

Эзотерики дополнили это утверждением, что «ведьма» означает «ведающая мать». Подобные представления полностью ошибочны. Преследования за колдовство были известны за тысячелетия до инквизиции, еще в Древнем Риме и даже в Вавилоне; особых «тайных братств», хранящих языческую мудрость, не существовало ни в Европе, ни на Руси после прихода татаро-монгольской орды; ведьмы — это составная часть культуры народного христианства, впитавшего в себя многочисленные языческие верования. Что касается «мрачного Средневековья», то этот термин возник в эпоху Романтизма, причем собственно в Средние века процессов против ведьм вообще не было, они начались в конце эпохи Возрождения, а пик их пришелся на Новое время (при этом многие из сожженных за колдовство были мужчинами).

Народная культура гораздо страшнее, чем нам хотелось бы думать. На страницах книги мы встретим различные формы обряда «палить ведьму». К счастью, в таких обрядах ведьм уничтожали не физически, а символически, и все же невероятная стойкость этих ритуалов, доживших и до современности,

Костры инквизиции. Картина Николая Ломтева

говорит о той ненависти, которую испытывали крестьяне к носителям магии.

Слово «ведьма» означает «ведающая», «знающая». Почему слово «знающая» стало ругательством? Потому что крестьянин боится знаний ничуть не меньше, чем магии: любые

новые знания рушат его цельный мир, уничтожают его психологические защиты. Кроме того, ведение традиционного хозяйства подразумевает максимально слаженные действия коллектива, а человек, который знает больше других, выбивается тем самым из социума и, вольно или невольно, угрожает самой основе крестьянской деятельности, то есть несет угрозу выживанию. Страх перед знающими людьми переключался и в городскую культуру, адресованную широким массам: достаточно вспомнить фильмы типа «Иронии судьбы» или «Москва слезам не верит», где чем образованнее герой, тем он отрицательнее.

Однако в народном понимании ведьма — не просто «знающая», но и «знающаяся», то есть общающаяся с нечистой силой. Это важный признак фольклорных представлений о ведьме, и этим (по крайней мере, теоретически) ведьма отличается от знахарки (обратим внимание на то, что оба эти термина образованы от корней со значением «знать», но отличаются сферой употребления как в народной культуре, так и в современной).

Знахари и знахарки действуют за счет собственных магических сил, а также благодаря знанию трав. Как мы увидим далее, базовыми навыками знахарства обладал каждый крестьянин и тем более крестьянка, к «специалисту» обращались только в особо трудных случаях. Как это согласуется с неприятием знающих людей? Мы увидим, что четкой границы между ведьмами и знахарками не было, знахарок могли бояться, их могли называть ведьмами, продолжая, впрочем, пользоваться их услугами. Так, автор этой книги лично общалась с восьмидесятилетней деревенской «ведьмой», которая, по сути, была знахаркой-шептухой, лечившей нашептыванием заговоров над водой. Соседи приходили к ней с просьбой наговорить воду, причем нисколько не смущаясь присутствия фольклориста.

Колдун в народном понимании — это не просто мужской эквивалент ведьмы. Его образ более мифологизирован: в подчинении у колдуна находятся несколько или даже много бесов и сам он состоит в иерархии — может быть главным над ведьмами и при этом подчиняться более могущественному колдуну.

Как нет четких границ между ведьмой и знахаркой, так же перетекают друг в друга представления о колдуне и знахаре.

Теперь подробнее рассмотрим эти образы и те растения, которые были с ними связаны.

Ведьмы и нечисть

Образ ведьмы зачастую настолько сильно мифологизирован, что она предстает как сверхъестественное существо. Так, в русских диалектах ведьму могли именовать «бесихой», то есть, по сути, женским эквивалентом беса; аналогично у западных славян термин «богиха», обычно означающий демоницу, вредящую беременным, роженицам, детям, мог относиться и к колдунье (и даже к знахарке). В рассказах о лиходейском колдовстве ведьм важное место занимал ветер, который вообще воспринимался как проявление нечистой силы, — ведьмы пускали по ветру заклятия. Особенно это касалось вихря и вьюги, которые всеми славянами воспринимались как свадьба черта — с чертовкой или с ведьмой. Это поверье нашло отражение в стихотворении Пушкина «Бесы», где вьюга называется свадьбой ведьмы. (Как мы увидим далее, Пушкин был хорошо знаком с народной культурой, в том числе и с колдовской традицией.)

Еще одна черта, общая для ведьм и нечисти, — нечеловеческие ноги. У бесов они просто звериные, а у ведьм, колдунов и даже знахарей — сильно волосатые, или кривые, или непомерно толстые либо тонкие; главное, что не такие, как у нормальных людей. Во всех мифологиях мира встречается

идея, что нечисть обладает необычными ногами и передвигается нечеловеческим способом. В частности, умеет летать.

До XIX века дожили представления о том, что ведьмы, как и колдуны, слетаются на шабаши на лысых (то есть безлесных) горах. Сам термин «лысый» связан с мифологической маркированностью волос, и если сейчас мы представляем себе чародея как человека с исключительно длинными волосами и бородой, то в народной культуре, наоборот, самый страшный колдун был лыс. Этим и объясняется такое, казалось бы, неподходящее место для тайных собраний. Общеизвестен образ ведьмы, летящей на метле или на помеле (специальном венике для обметания печи), при этом в народных представлениях

Шабаши ведьм. Фрагмент картины Класа Якобса ван дер Хека. 1636 г.

ведьма могла лететь и на березовой ветке. Подобные «лохматые» предметы — не что иное, как воплощение мотива волосатости, связанного с магией. Береза же была частью культа русалок, так что образ ведьмы, летящей на березовой ветке, — это попытка наделить ее их чертами (о том, какие русалки умели летать и как они это делали, мы расскажем в следующей главе).

Итак, ведьма летела на метле или березовой ветке на лысую гору, чтобы там вместе с другими ведьмами и колдунами набраться колдовского умения у нечистой силы. В европейской мифологии такие шабаши происходили в Вальпургиеву ночь, с 30 апреля на 1 мая, и здесь прослеживаются отголоски древних кельтских ритуалов на Бельтайн. Как мы увидим, события, которые в Европе приходились на время Бельтайна, у восточных славян были смещены на Ивана Купалу: так, украинцы и белорусы полагали, что шабаш происходит перед этим праздником (вспомним повесть Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», где герой встречает и черта, и ведьму). В русской традиции дата иная — 1 сентября по старому стилю (14 сентября по новому), день допетровского Нового года.

Важная деталь: магическая сила, которую нечисть передает ведьмам и колдунам, — это не совокупность знаний, а некое качество, которое можно получить (вероятно, со временем оно ослабевает, отчего и надо каждый год летать на шабаш), но можно и отнять. Для этого необходимо ударить ведьму березовой метлой. Может показаться странным, что один и тот же предмет выступает как атрибут нечисти и как средство защиты от нее, но такова особенность мифологического мировосприятия: если нечто вызывает сильные эмоции, то эмоции эти зачастую оказываются противоположными; важна сила стресса, а не направленность чувств. На страницах этой книги мы неоднократно увидим, что растения, связанные с нечистой силой, оказываются оберегами от нее же.

В очень редких случаях считалось, что ведьмой можно не стать, а родиться, но для этого существовал ряд условий, близких к невыполнимым: например, и сама ведьма, и ее мать должны были появиться на свет вне брака (что почти нереально в традиционном обществе), или такое дитя должно было «родиться в рубашке» (то есть в неразорвавшемся околоплодном пузыре, что встречается примерно один раз на миллион родов), причем «рубашка» должна быть черной (это уже мифология, так как плодный пузырь белого цвета). Такое нагромождение маловероятных, практически невозможных факторов — не логическая концепция, не генетическая теория, а концентрация и визуализация страхов в обществе, где фактически отсутствует медицина. Чтобы понять, откуда берутся такие поверья, представьте себе мать, у которой ребенок заходится плачем, и свое бессилие перед его страданиями она персонифицирует в образе ведьмы, наславшей недуг. Для матери болезнь ребенка — это нечто *неправильное*, и источник этой беды будет для нее дважды и трижды неправильным. В таком ракурсе эти поверья окажутся вполне логичными.

Оборотничество и распознавание ведьм

Другое поверье о ведьмах и колдунах — их способность к оборотничеству. Если крестьянин во время некой негативной ситуации видел кошку, собаку, жабу, бабочку, ворону, утку, то он объявлял беду происками ведьмы, которая обернулась животным. Такое животное непременно пытались убить или хотя бы ранить — это должно было разрушить злые чары. И снова вспоминается Гоголь и его «Майская ночь, или Утопленница», где мачеха-ведьма оборачивается кошкой, которую ранит падчерица, и наутро у мачехи оказывается перевязана рука. Гоголь здесь исключительно точно воспроизводит народную традицию.

Однако образ ведьмы, вредящей человеку злыми чарами, относится скорее к литературе, чем к фольклору. С точки зрения крестьянина, основное зло от ведьмы — это то, что она отбирает молоко у коров. Разумеется, если я забочусь о своей корове, а у нее мало молока, то кто виноват? Ведьма! Так что перечисленные выше животные будут, скорее всего, связаны с историей о том, как у коровы пропало молоко и как его удалось вернуть, поразив ведьму в ее нечеловеческом облике. И если в литературе зооморфной ипостасью ведьмы, вероятно, будет кошка, то в фольклоре — жаба: ее проще встретить в хлеву.

Существует множество версий, какими чарами ведьма отбирала молоко. Например, считалось, что в купальскую ночь она, обнажившись, собирала с полей росу фартуком или рубашкой, приговаривая: «Беру ужиток, но не весь», а дома выжимала ткань и давала выпить жидкость своей корове; или же она доила березу (о связи образов ведьмы и березы мы уже говорили). В любом случае это приводило к тому, что у каких-то коров молоко пропадало, а у ведьминой коровы — прибавлялось. Строго говоря, если у моей коровы пропало молоко, меня не интересует, какие именно чары применила ведьма, мне важно, во-первых, вернуть молоко, то есть распознать ведьму и навредить ей, а во-вторых, не допустить такой беды в будущем.

Оберегом от ведьм для коров считалась все та же береза: ее ветки втыкали над дверьми хлева на весенний Юрьев день (23 апреля / 6 мая) или на Ивана Купалу (24 июня / 7 июля); при первом выгоне трижды стегали корову березовым прутом, надевали ей на рога березовый венок. Другим магическим средством был барвинок — вечнозеленое стелющееся по земле растение, чьи переплетенные стебли наделялись колдовской силой — как вредоносной, так и отвращающей. Если корова была испорчена магией, то ее молоко следовало процедить

через венок из барвинка; барвинок могли добавлять в корм, чтобы уберечь скот от ведьм. Интересно, что как колдовское средство барвинок был опасен не для скота, а для людей: если ведьма польет дорогу отваром из него, то человек, пройдя там, начнет «сохнуть», а через какое-то время умрет. К образу перепутавшихся стеблей барвинка мы еще не раз вернемся.

Однако самым надежным средством против ведьм были «зубастые» растения (все колючее) и предметы (борона). Почему от колдовства могли защитить именно колючки? Потому что их острые шипы являются персонификацией боли, причем и той боли, что человек испытывает сам, и той, что хочет причинить ведьме-похитительнице. В дальнейшем мы поговорим о самом разнообразном магическом использовании колючих растений, а сейчас обратим внимание лишь на одно поверье: если у коровы пропало молоко, то немного, что удалось выдоить, выливали на боярышник, приговаривая: «Боярышничек, ты мой брат по Богу, верни мне сыр, молоко и сливки, а негодное отдай той, что наслала». Боярышник выступает здесь в роли чудодейственного помощника благодаря своим длинным острым шипам, но нам этот пример интересен с психологической точки зрения. Действия крестьянки кажутся абсурдными: она и так получила очень мало молока, но и то немного не использует в хозяйстве, а выливает на куст. Почему же такие действия совершались настолько регулярно, что для них даже выработали устойчивую словесную формулу? Потому что здесь человек настолько находится во власти переживаний о нехватке необходимого, что, захваченный эмоциями, способен только воспроизводить эту недостачу.

Вернемся к зубастым предметам. Борона, подобно березе, считалась и магическим средством ведьмы, и оберегом против нее. Белорусы верили, что ведьма может доить борону, как доят корову, и от этого молоко чужих коров переходило ее скотине. Существовало и другое поверье: ведьма

крадет кусок чужой бороны, кладет его в огонь и кипятит на нем молоко своей коровы, благодаря чему молоко чужих коров опять-таки переходит к ней. Такие поверья объясняют обычай непременно сжигать старую бороны. При этом, чтобы ведьма не могла проникнуть в хлев, в нем хранили бороны: подпирали ею вход снаружи, вешали ее на ворота, втыкали зуб бороны в столб ворот. Ту же магическую роль мог играть и боярышник: так, славяне Центральной Европы в Вальпургиеву ночь непременно втыкали ветки боярышника... в навоз в хлеву.

Еще раз подчеркнем, что в народной традиции ведьма — это не конкретная злая женщина, а персонификация постигшей кого-либо беды. Этим фольклор разительно отличается от литературы, где ведьма — персонаж, о котором сразу все известно. Ведьма в чаще леса (ее русский эквивалент — Баба-яга) — это образ, пришедший из древних обрядов и сохранившийся в сказках, но она, в отличие от деревенской ведьмы, не отбирает молоко у коров, не летает на шабаши, не знается с нечистью (потому что сама и есть нежить: она давно умерла и захоронена в лесной чаще), она опасна только для тех, кто забредет к ней. А деревенская ведьма выглядит как совершенно обычная женщина (если ее ноги и излишне волосаты, то она их тщательно прячет), ничем себя не выдает... только вот корова совсем доиться перестала.

И поэтому крестьянину так важно было распознать ведьму.

Для этого он использовал все ту же бороны. Крестьянин сидел в хлеву за бороной и ждал, когда же ведьма придет доить его корову; как только появлялась жаба или другое животное, его следовало немедленно убить: это и была ведьма-оборотень. Такую бороны часто делали из березы (оберег от ведьм) или из осины (универсальный оберег от нечисти); наибольшими магическими качествами наделяли бороны, которую вытесывали ежедневно в течение целого года.

И все-таки сидеть в хлеву под бороной, даже самой чудодейной, крестьянину, как правило, было некогда. Поверья конкретизировались: так, увидеть ведьму можно было только в купальскую ночь, причем даже в том случае, если она пока не причинила никакого вреда. Если в утро после Купалы посмотреть сквозь борону на выходящее стадо, то можно увидеть ведьм, которые хотят украсть молоко. В украинском Полесье на Купалу бороновали дорогу: если женщина вдруг остановится на ней, то она ведьма; если там остановится скотина, то ведьма — ее хозяйка. Поверья о взгляде через борону — частный случай представлений о том, что нечисть можно увидеть только через какой-то магический предмет, отверстие между миром живых и мертвых. Например, через доску от старого гроба с глазком от сучка. Вряд ли крестьяне регулярно использовали столь могущественный магический предмет, скорее перед нами поверье о том, что, «если у тебя будет такая доска, ты всех ведьм увидишь».

Распознать ведьму можно было и на Юрия Вешнего: если женщина выйдет к стаду босой или в развязанной обуви, то она и есть ведьма. Это уже знакомые нам представления о «неправильных» ногах нечисти.

Но основным временем борьбы с ведьмами был день Ивана Купалы. В этом и заключался идущий еще из индоевропейской древности смысл праздника: уничтожение всего старого, отжившего, нечистого (как в прямом, так и в переносном смысле). В купальских кострах сгорали старые вещи, все ветви-обереги прошлого года, все некогда значимое, что отжило свой срок. Аналогичной была символика уже упомянутого кельтского праздника Бельтайн, но в более мягком климате Европы он приходился на май. Современному городу очень не хватает ритуала освобождения от старых вещей, которые хранить незачем, но выкинуть не поднимается рука.

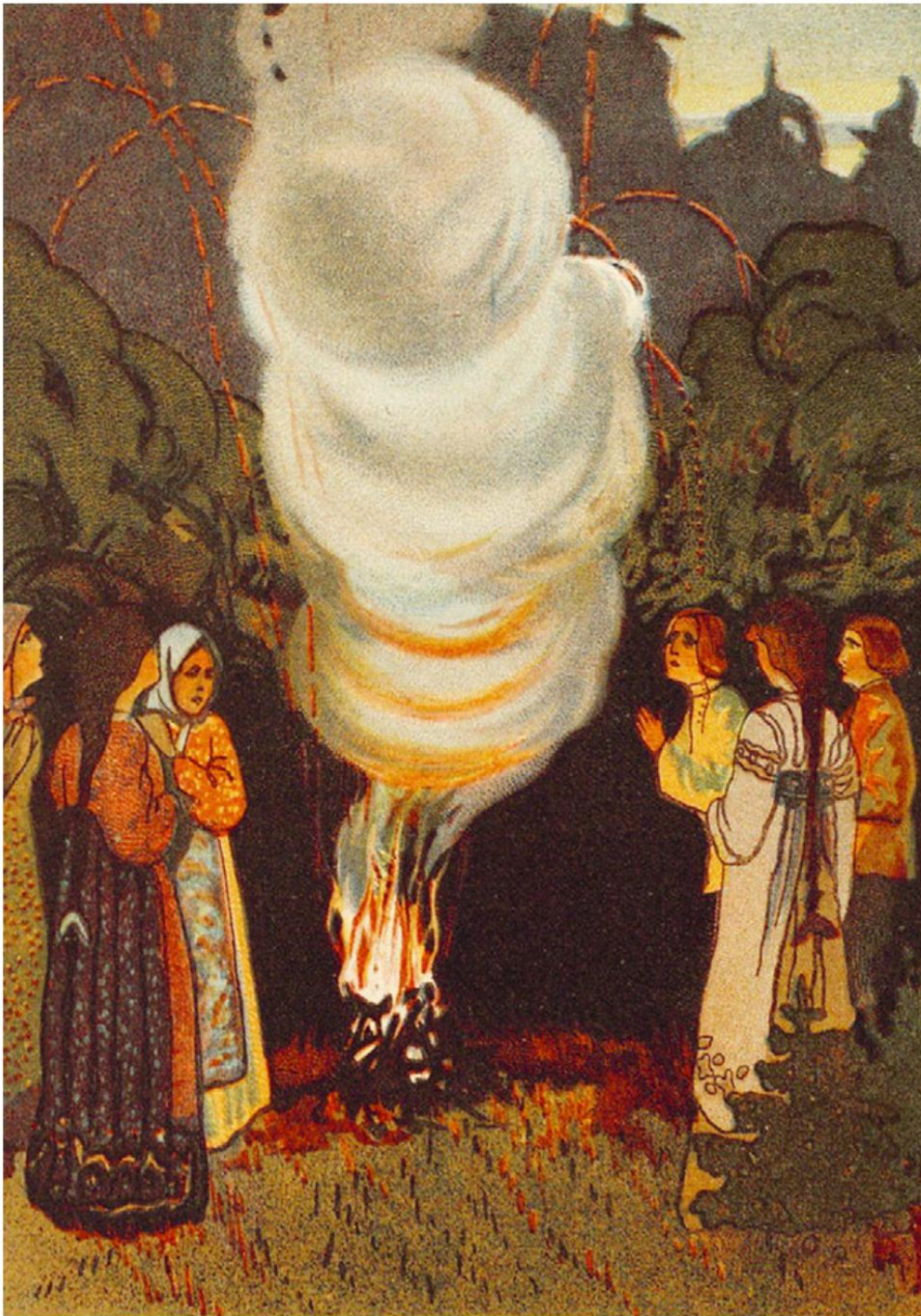

Иллюстрация к сказке «Снегурочка». 1916 г.

Итак, купальский костер уничтожал нечисть, и поэтому считалось, что он сам по себе причиняет ведьме невыносимые страдания и она выходит к костру, чтобы их прекратить. В украинском Полесье ведьмой признавали женщину, которая не могла перепрыгнуть через огонь (вспомним и русскую сказку о Снегурочке, растаявшей в нем). Иногда эти поверья облекались в более сложные ритуалы: одного костра было

недостаточно, на нем надо было кипятить цедилку (сито для процеживания молока), причем непременно украденную (стандартное условие для магии), желательны у вдовы; вместе с цедилкой могли кипятить осиновые колышки или иглы. И если какая-нибудь женщина выходила к такому костру, то ее немедленно объявляли ведьмой, похищающей молоко. У несчастной не было ни единого шанса доказать свою невиновность...

Обряд «палить ведьму»

Поспешим успокоить: речь пойдет не о физической, а о символической расправе. На Купалу уничтожали изображение ведьмы (соломенное чучело), либо предметы, символизирующие ее (деревце, ветки, пучки зелени на шесте, лошадиный череп на палке), либо животных, которых считали обернувшейся ведьмой (прежде всего жаб, но могли быть и другие). Чаще всего «ведьму» уничтожали именно в купальском костре, но известны и другие варианты: чучело бросали в воду, били, разрывали на части... Это напоминает другие ритуалы избавления от мифологических персонажей: сожжение Масленицы и изгнание русалок. Причем если Масленица и Купала сильно разнесены по календарю, то изгнание русалок могло либо совпадать с Купалой, либо находиться достаточно близко к нему по времени (о чем см. в следующей главе). Сожжение ведьмы и изгнание русалок — это, по сути, единый комплекс июньско-июльских обрядов освобождения от существ, которые наполовину люди, наполовину нечисть.

На Купалу ведьм могли не только уничтожать, но и пугать — криками, выстрелами, грохотом.

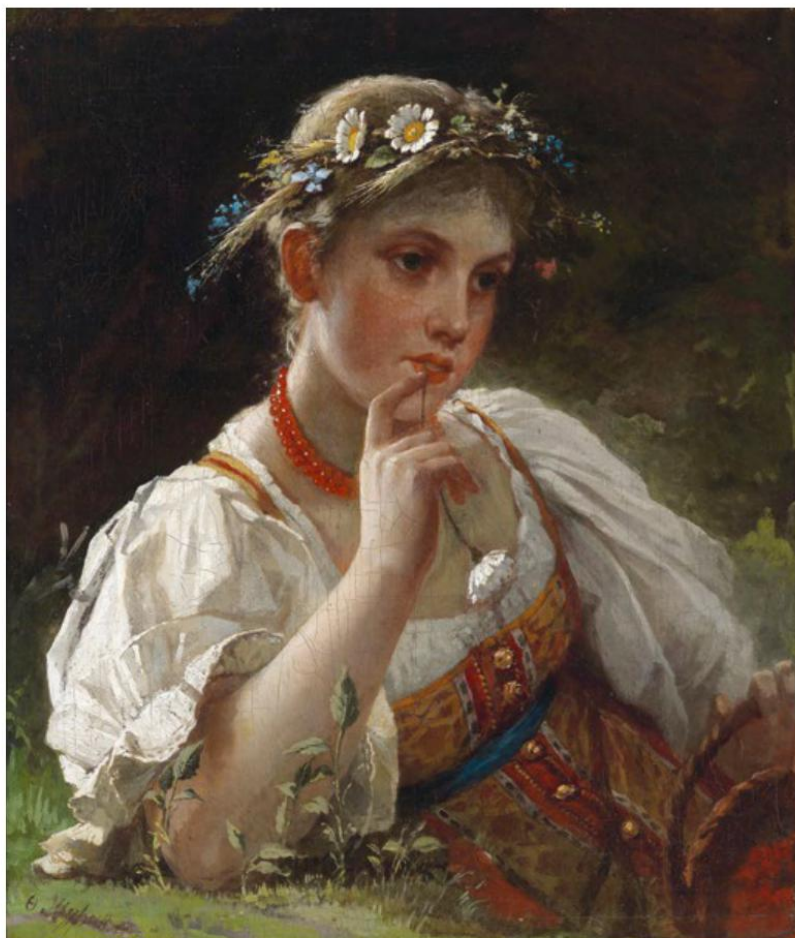
При этом Купала был не единственным праздником, когда палили ведьму. В Карпатах верили, что нечисть сильна накануне дня святого Андрея (30 ноября / 13 декабря), и особенно

это относилось к ведьмам, отбирающим молоко. И там, и в Центральной Европе жгли на горах особые андреевские костры, веря, что они защитят скот, то есть уничтожат колдовскую силу ведьм. У болгар подобный ритуал был приурочен к зимнему солнцестоянию; считалось, что в эту ночь ведьма доит луну, отбирая тем самым молоко у чужих коров, поэтому болгары, чтобы уничтожить колдунью, ловили мух и сжигали их в пламени свечи или в очаге.

В современной культуре (неоязыческой, эзотерической и условно-народной) ведьма — это девушка в венке из цветов, пляшущая у купальского костра, часто — организатор этого ритуала. Как мы видим, городская традиция развернулась на сто восемьдесят градусов по отношению к деревенской.

Ночь на Ивана Купалу. Картина Ивана Соколова. 1856 г.

Девушка в купальском венке.

Картина Фирса Журавлева. 1890-е гг.

И в этом нет ничего дурного (каждая культура порождает те ритуалы, которые ей необходимы), пока эти насквозь современные обряды не называют древней мудростью.

Народ же отмечал Купалу страшно: это был не только праздник разгульной эротики (вплоть до разрешенного инцеста между родными братом и сестрой, если он был женат, а она замужем), но и праздник ненависти. Во введении мы говорили о том, что традиционное общество — это выстроенная система эмоций, и вот мы сталкиваемся с тем, что и ненависть в нем регламентирована. Причем купальские бесчинства имеют и психотерапевтическую природу: человек сбрасывает свою агрессию в игровой обстановке, а жертвой становится соломенное чучело или — в крайнем случае — сожженная жаба.

Залом, колдун и колтун

Потеря молока коровой — не единственная беда, которая персонифицируется в образе ведьмы. Не меньшей напастью была и утрата «спора» — то есть зерна из колоса. Зловредные действия ведьмы называли «зажин» и «залом», разница между ними состояла в том, что при зажине ведьма якобы особым образом срезала колосья, а при заломе — перекручивала их, оставляя на поле. И если отбирание молока — это специфически женское занятие, то зажин, по поверьям, могли совершать как ведьмы, так и колдуны.

Существует несколько версий зажина: выстричь узкую дорожку в чужом поле (символ потери половины урожая), или срезать три колоса (три как знак множества), или срезать по колосу с четырех углов поля (углы как символ всего

Залом ржи. Картина Василия Максимова. 1903 г.

пространства). Считалось, что ведьма делает это в купальскую ночь, причем в Центральной России верили, что прежде она переворачивает все иконы у себя в доме и даже ходит по полю вверх ногами (метафора злодеяния как переворачивания порядка вещей).

На Русском Севере зафиксирован уникальный обряд посвящения в ведьмы: посвящаемая, пятясь, заходила в ржаное поле и не глядя срывала левой рукой колосок. Если он оказывался с двойным колосом, это означало, что ее магическая сила будет вдвое больше, чем у наставницы. Этот обряд явно возник под влиянием зажина, но здесь похищается не урожай, а магическая сила.

Любопытно, что оберегом от зажина мог быть... зажин. Это нормально для мифологии, ведь она основана на ситуациях, вызывающих стресс, а стресс может выражаться как в положительных, так и в отрицательных чувствах, важна лишь их сила. (Так, Купала — это и время разгула ведьм, и время борьбы с ними.) Зажин как оберег — болгарский ритуал на зимнее солнцестояние, который совершали сами хозяева, чтобы помешать забрать плодородие поля.

Если зажин — вредоносная магия узкой направленности, то залом мог приводить к самым разнообразным бедам. Колосья, скрученные в жгут или особым образом, грозили потерей урожая, падежом скота, болезнями (особенно ломотой рук и ног, а также колтуном) и даже смертью хозяина поля. Судя по детальным объяснениям, как нужно обезвреживать залом, к этой вредоносной магии регулярно прибегали не мифические ведьмы, доящие луну, а крестьяне-соседи.

Почему же перекрученные стебли (как и спутанные в колтун волосы) стали символом страшных бед?

Народная культура жестко противопоставляет «прямое» и «кривое» как хорошее и дурное: Кривда как антипод Правды, «кривая дорожка» как преступный образ жизни

и т. д. Кривизна, помимо прочего, символизирует болезни: одноглазого человека называют кривым, от боли кривятся, сильная боль скрючивает. Народная культура очень сильно боится контакта с недугами, это риск перехода чужой неудачи на тебя (именно поэтому болезнь традиционно скрывают, даже в современном городе многие не осмеливаются признаться в своих проблемах). По этой причине русские крестьяне, даже обезвредив залом, старались продать зерно с такого поля на сторону, а не есть его самим.

Итак, кривизна — это нарушение правильного порядка вещей, прорыв хаоса, грозящий самыми страшными бедами. И поэтому колтун (сбившиеся в узел волосы) считался внешним выражением проклятий, бед и болезней.

Нейтрализация и залома, и колтуна требовала изощренных магических действий. Как правило, их совершал знахарь, иногда — «хороший» колдун, иногда — священник и никогда сам человек (он считался магически испорченным). К залому ни в коем случае нельзя было прикасаться голой рукой — его вредоносная сила могла уязвить, поэтому его или сжигали на щепках самого могучего дерева-оберега — осины (как вариант: огораживали осиновыми колышками и поджигали, бросив на него солому), или же выдирали расщепленной осиновой палкой. Священник вырывал залом, обернув руку епитрахилью и читая специальную молитву, после чего сжигал его.

В народном понимании колдун — это тот, кто насыляет колтуны (точнее, проклятия, выражающиеся в появлении колтунов). Несмотря на созвучие слов, они не родственны: «колтун» — это «колеблющийся» (качающийся узел волос), «колдун» же близок к индоевропейским словам со значением «сильный шум» и означает «громко призывающий» (духов). От того же корня произошло слово «колядовать», то есть громко петь ритуальные песни, призывая одарить поющих. О колдунах принято говорить как о наследниках

волхвов — языческих жрецов, но это вряд ли верно с лингвистической точки зрения: слово «волхв» происходит от древнерусского термина со значением «невнятно бормотать» (возможно, шептать заговоры), а о громком голосе колдуна свидетельствуют данные как этимологии, так и этнографии: колдун приказывает ведьмам, змеям, чертям.

Принципиальное отличие колдуна от ведьмы заключается в его большей легальности: если ведьм можно было только «обнаружить», то колдуна нередко знали как реального человека, а то и специально приглашали на свадьбу, поскольку опасались, что какой-нибудь неизвестный колдун захочет навредить молодым, и тогда приглашенный должен был нейтрализовать соперника. Идея борьбы между колдунами

Приход колдуна на деревенскую свадьбу.

Картина Василия Максимова. 1875 г.

отражена в фольклоре достаточно широко: порчу, насланную одним колдуном, снимает другой. Как уже упоминалось, колдун повелевает ведьмами; по украинским поверьям, он даже может ограничивать их вредоносность. На юге России и в Белоруссии верили, что шабаши колдунов и ведьм в вечер перед Купалой происходят на засохшем дубе или вязе (запомним этот образ, он нам понадобится в главе о заговорах).

И все же задача «распознать колдуна» оставалась актуальной. Снова крестьянин ждал помощи от осины: на Страстной неделе топили ею печь — пришедший в это время человек и был колдуном. Другое дерево, защищающее от нечисти, — рябина: во время пасхальной службы следовало держать ветку в руках, чтобы увидеть колдуна, стоящего спиной к алтарю.

Смерть колдуна и ведьмы

В фольклоре смерть колдуна и ведьмы описывается как тяжелая и мучительная. Они не могли умереть, пока не передадут свои знания другим. Колдун, кроме того, оставался в живых, пока, как верили в Закарпатье, не спадет срок его заклятий (например, если он превратил человека в волка на семь лет) или пока, как верили на Русском Севере, не передаст своих помощников-чертей другому колдуну (если у колдуна нет преемника, он переселяет чертей на палку или посох — кто возьмет его в руку, на того черти и перейдут).

В поверьях о колдунах и ведьмах сохранились следы древнерусских обычаев выносить покойников не через дверь, чтобы они не смогли вернуться в дом и погубить своих родных. (Так, согласно «Повести временных лет», поступил с телом князя Владимира его сын Святополк Окаянный.) Это трансформировалось в обычай разбирать крышу дома, где умирал чародей. В случае с соломенной крышей сделать это было довольно просто, в случае с деревянной ограничивались тем, что выламывали одну или несколько досок, поднимали конек.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

